

Гигаури Давид Ираклиевич

аспирант кафедры теории и философии политики
Санкт-Петербургского государственного
университета

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация:

В статье рассматривается политика идентичности как символическая практика конструирования социальной и политической реальности и как инструмент символической политики. Отмечено, что любое государство проводит политику идентичности наряду с политикой памяти в попытках сконструировать единое политическое сообщество как гражданскую нацию. Раскрывается сущность механизмов политики идентичности и определены ее символические измерения и используемый в ходе ее проведения потенциал политического мифа и ритуала, воплощенный в такой форме коллективного действия, как политический праздник.

Ключевые слова:

политика идентичности, символы в политике, конструирование политической реальности, политическая идентичность, политический миф, политический ритуал, политический праздник, символическая политика.

Gigauri David Iraklievich

PhD student,
Theory and Philosophy of Politics Department,
Saint-Petersburg State University

THE SYMBOLIC DIMENSIONS OF THE IDENTITY POLICY

Summary:

The article deals with the identity policy as a symbolic practice of social and political reality designing and as an instrument of symbolic politics. It is noted, that every country carries out a policy of identity, along with a policy of memory in an attempt to build a unified political community as a civil nation. The author considers the essence of the identity policy mechanisms and its symbolic dimensions, as well as resources of the political myth and ritual used in the identity policy and embodied in such a form of collective action as a political holiday.

Keywords:

identity policy, symbols in policy, designing of political reality, political identity, political myth, political ritual, political holiday, symbolic policy.

Политика идентичности как категория научного анализа и как категория публичной практики в последнее время привлекает все большее внимание отечественных и зарубежных ученых. Оперирование понятием «идентичности» превратилось в основной и неперемный топос социальных и гуманитарных наук [1, с. 135]. В российском политологическом дискурсе данная тематика особенно актуальна, о чем свидетельствует ряд отечественных работ и сборников, посвященных проблемам политической идентичности в условиях политической трансформации на постсоветском пространстве [2; 3; 4]. Задача данного исследования – рассмотреть символические аспекты политики идентичности и используемый в ходе ее проведения потенциал таких политико-культурных форм, как миф и ритуал, которым, на наш взгляд, в современном научном дискурсе уделяется недостаточное внимание.

Политическую идентичность воспринимают в качестве одной из основных доминант массового сознания, воплощающих в себе установки на определенное политическое поведение и наделение социального мира смыслом и имеющих социальные и культурные основания [5, с. 68].

Многие исследователи, придерживающиеся конструктивистских стратегий изучения национализма, полагают, что политическая идентичность является объектом конструирования со стороны политических элит и интеллектуалов, а не формируется сама по себе и не наследуется из истории [6; 7]. Подобную деятельность по конструированию идентичности воплощает в себе так называемая политика идентичности, которая репрезентирует значимые символы посредством образовательной политики, государственных праздников, общественно-значимых повседневных практик и т. д.

Отечественный исследователь идентичности И.Н. Тимофеев проводит разграничение близких по смыслу понятий «политическая идентичность», «политическая идеология» и «политическое самосознание». Политическую идентичность от идеологии отличает прежде всего всеобщность распространения, она может охватывать множество политических акторов с различными идеологиями, поскольку несет в себе идею гражданственности независимо от тех или иных партийных предпочтений. Однако как идентичность, так и идеология находят свое воплощение в нормативной политической доктрине и могут быть выражены в доктринальных документах. С политическим самосознанием идентичность объединяет идея осуществления функций легитимации политического порядка, консолидации граждан, политической мобилизации и интеграции. Но

политическая идентичность в отличие от самосознания имеет «проектный» характер и подразумевает связанную последовательность принципов, символов и интерпретаций [8, с. 52].

Как психологический феномен политическая идентичность является результатом самосознания индивида, его самоидентификации на основании значимых и устойчивых социокультурных критериев, отражающих включенность в социальное окружение и принадлежность к политическому сообществу, в котором артикулированы его интересы.

Исследователи подчеркивают, что разлад между нормативно закрепленной идентичностью и гражданским самосознанием может создавать угрозы стабильности государства, поэтому политическая идентичность должна подкрепляться символическим оформлением и целенаправленной деятельностью по формированию массового политического сознания. Институты политической социализации (школы, университеты, СМИ и т. д.) и призваны выполнять подобную функцию [9, с. 158]. Однако весьма трудным представляется обнаружить «нормативно» закрепленную идентичность, отраженную в массовом сознании. Декларируемые политические ценности и принципы государства, выраженные, например, в конституции, на деле могут отличаться от того, что реально пропагандируется государством и транслируется символически посредством политики идентичности.

Политическая идентичность существует за счет актов постоянного воспроизведения в разнообразных процессах коммуникации. Этот сложный комплекс знаний, представлений, ценностей и символов неизбежно становится объектом политического действия, предметом политической борьбы, инструментом политического господства и символом политической власти. Как отмечает С.П. Поцелуев, в случае политической идентичности индивиды отождествляют себя с событиями и группами, которые приобрели для них символическое значение. Поцелуев опирается на творческую интенцию американского исследователя символической политики Мюррея Эдельмана, согласно которой политика представляет собой «парад абстрактных символов» [10, с. 8]. Политическая идентичность в полном смысле не совпадает с политической самоидентификацией, а включает в себя множество различных идентификаций, связанных с политическими символами и мифами, зачастую выраженных в ритуалах [11, с. 109].

Политическая наука определяет политику идентичности прежде всего как процесс целенаправленного конструирования идентичности в границах политического сообщества. Основными механизмами политики идентичности при этом являются мифологизация, обозначение границ, формирование позитивного образа сообщества как внутри, так и за его пределами, а также ритуализация истории. В контексте политики идентичности история выступает не только как наука, но и как основа национальной и государственной идентичности, формулирующей коллективные ценности, представления о добре и зле, «своих» и «чужих», т. е. история представляет собой информационный и ценностный багаж текущей политики, в том числе и национальной политики.

Значимой составляющей политики идентичности выступают символические референции, которые создаются и транслируются политическими элитами в ходе целенаправленного процесса по конструированию политической реальности. Политика идентичности, в свою очередь, является составляющей символической политики, поскольку она представляет собой борьбу за символические ресурсы и является эффективным механизмом мобилизации участников общественных движений [12, с. 121].

Политика идентичности осуществляется государством и политическими элитами – это ключевые субъекты, обладающие значимым символическим потенциалом и административными, коммуникативными, информационными и прочими ресурсами [13, с. 14]. Однако в данном случае речь идет о легитимации собственного положения со стороны элит (легитимирующая идентичность, если воспользоваться типологией М. Кастельса) [14, с. 8], целью же политики идентичности выступает создание и распространение новой или уже существующей идентичности, оправдание действий со стороны власти и укрепление символических основ общества, тогда как прочие акторы политики идентичности (в противопоставление политике государства), такие как общественные организации, протестные группы и движения, выдвигают притязания на обоснование своей собственной идентичности, вступают в символическую борьбу за признание особого статуса и прав (идентичность сопротивления по Кастельсу).

Политические элиты выступают в качестве безусловного субъекта политики идентичности, другое дело, что они гетерогенны и позиции разных групп отличаются в плане оценки политической идентичности. Особая роль в политике идентичности также принадлежит интеллектуалам и интеллектуальным сообществам. Политика идентичности, проводимая государством и элитами, направлена на консолидацию общества, создание макрополитической идентичности, достижение внутреннего единства и интеграции в рамках существующей нации. Политика идентичности обеспечивает стабильность и жизнеспособность современного государства. Инструментами та-

кой политики, по мнению Малиновой, являются «официальный язык, школьные программы, требования, связанные с приобретением гражданства, национальные символы и праздники, переименование топографических объектов и т. д.» [15, с. 91].

Ведущим мотивом проведения политики идентичности политическими элитами выступает необходимость легитимации своих действий в политическом сообществе. Политика идентичности использует информационный и коммуникативный ресурс, большая роль отводится СМИ, которые формируют необходимый для поддержки осуществляемой политики дискурс [16, с. 73].

Символические средства – особый ресурс, позволяющий конструировать единое сообщество, легитимировать существующий порядок вещей и мобилизовать граждан на совместные действия посредством формирования чувства общности и важных для всех политических задач. К символическим измерениям политики идентичности по праву могут быть отнесены топонимика, городские культурные ландшафты, городские памятники, государственные ритуалы, символы, – словом, все то, что может быть наглядно воспринято гражданами в повседневной жизни, то, что конструирует смыслы повседневности социального мира и воплощает политическую память сообщества. Определенный тип репрезентации прошлого находит свое отражение в особых практиках коммеморации, а «общепринятые» представления о прошлом являются одной из главных опор идентичности современных политических сообществ [17, с. 5].

Память в политике идентичности выступает как комплекс коммуникативных структур, синхронизирующих социальные ожидания (структурные образцы смыслового фокусирования социальных ожиданий). Такой комплекс поддерживается символьным дизайном, создающим для трансляции политики памяти «символический контейнер» социальной идентификации [18, с. 152, 158] или, другими словами, ряд символьных комплексов.

В ряду этих символьных комплексов находятся миф и ритуал, которые выступают важным символическим компонентом политической идентичности, в связи с чем С.П. Поцелуев пишет: «В современных обществах политический миф определяет рамочные условия восприятия и интерпретации политической реальности, формулирует определенную политическую онтологию и тем самым как бы ограждает политическое игровое пространство» [19, с. 130].

Миф конструирует политическую идентичность. Принимая на веру тот или иной миф, индивиды отождествляют себя с конкретной политической ролью и приобретают идентичность. Помимо того, что политический миф вводит оппозицию «друг / враг», «мы / они», он создает когнитивную основу политической идентичности, мировоззренческую картину для каждого, кто вовлечен в политическое сообщество: миф объясняет политическую реальность, эмоционально насыщает ее благодаря персонализации политических сил и тенденций. Посредством мифа политическая действительность осмысливается в контексте исторической памяти, а человек становится идеологически «дееспособным» в политической сфере». Политические мифы в виде образов поставляют нам необходимый уровень политического знания о повседневности и формируют нашу идентичность.

Идентичности формируются, трансформируются и закрепляются благодаря политическим ритуалам, которые являются символическим средством воспроизведения политических мифов [20, с. 43]. Роль ритуалов в символической политике зависит от идеологических и культурных функций политических мифов, которые по сравнению с мифами традиционных обществ, свободны от религиозного наполнения и обретают технологический потенциал.

Современная политика принимает эстетический, зрелищный характер. Известный американский историк Дж. Мосс говорит в связи с этим о возникновении «нового политического стиля» [21, с. 7], в котором «любая политическая акция должна была трансформироваться в спектакль» [22, с. 18]. Особую роль в ритуальном закреплении политического мифа и формировании идентичности при помощи эстетических средств выполняет политический праздник. Праздник служит средством воспроизводства политической идентичности. Как «нестабильные символы» [23] политические праздники, по мнению В.Н. Ефремовой, являются одним из способов формирования политической идентичности и конструирования единого сообщества. «Национальные (государственные) праздники являются... инструментом символической политики, стимулирующим солидарность и побуждающим к определенным политическим действиям» [24, с. 308].

Связь символической политики и идентичности, осуществляемую посредством праздника, отмечает и немецкий историк Я. Ассман: «Праздники и обряды в регулярности своего повторения обеспечивают передачу и распространение знания, закрепляющего идентичность и тем самым воспроизведение культурной идентичности» [25, с. 60].

Ефремова определяет праздник как «комплекс относительно стабильных и устойчивых во времени, постоянно воспроизводящихся дискурсивных практик и политических взаимодействий вокруг символического события или даты» [26, с. 53]. В качестве инструмента мотивации политического поведения государственные праздники актуализируют потенциал политической симво-

лики. Результатом проводимой посредством праздников политики идентичности выступают коллективные действия, которые вырабатываются в ходе идеологической и символической борьбы за воспроизводство смыслов и значений.

Ефремова подчеркивает, что «смыслы, декларируемые государственными праздниками, подразумеваются в качестве единственно возможных и законных. Вследствие чего праздники как символические системы и собственно политическое действие, наделенное идеологическим содержанием, способны производить и навязывать представления о социальном мире. Однако не следует забывать, что символическая политика происходит в публичной сфере и предполагает конкуренцию смыслов» [27, с. 73].

Политический праздник актуализирует политические ценности, внедряет важнейшие элементы культуры, такие как представления о совместном прошлом, символы, нравственные и гражданские установки, в сознание граждан и воспроизводит определенный образ прошлого, оправдывающий и легитимирующий политические основы современного режима [28, с. 145]. Как коммуникативный феномен политический праздник создает необходимую элитам версию политической реальности и оперирует смыслами в символическом культурном контексте [29, с. 17].

Общность коллективных представлений через разделяемые ритуалы и символы способна формировать чувство национальной сопричастности и обеспечивает интеграцию в единое политическое сообщество. Одним из таких представлений и выступают национальные праздники. Проведенные на присоединенных к России территориях Крыма государственные праздники, посвященные Дню Победы в Великой Отечественной войне, масштабный военно-морской парад в Севастополе, который дважды в 2014 и 2015 гг. посещал президент, подтверждают важное символическое значение подобных мероприятий для политики идентичности, включения новых групп населения в крупное политическое сообщество.

В условиях усиливающегося международного давления со стороны Запада на Россию в связи с присоединением Крыма и конфликтом на Востоке Украины, возрастающих санкций экономического и политического характера, политическим элитам как никогда необходимо мобилизовать ресурс поддержки в среде гражданского населения с целью оправдания собственных действий и решений как внутри страны, так и за ее пределами, этим целям и служит политика идентичности.

Итак, мы установили, что политический миф и ритуал являются основой для проводимой элитами политики идентичности, которая в свою очередь выступает важным инструментом символической политики. Через разделяемые совместно ритуалы и мифы массы обретают представление о едином сообществе, внутри которого они находятся, таким образом, формируется коллективная идентичность. Процесс изобретения традиций (Э. Хобсбаум) всегда связан с ритуализацией и формализацией, при этом новая традиция всегда связывается с прошлым, несмотря на то что связь эта по большей части оказывается фиктивной. Политический праздник как символическая форма мифоритуального действия, являясь средством конструирования политической реальности, воплощает в себе основные цели и задачи политики идентичности и является эффективным механизмом работы с идентичностью, поскольку представляет собой визуальное средство репрезентации образов власти в контексте символической политики, повторения и закрепления значимых для коллективной идентичности общества событий.

В заключение необходимо отметить, что конструирование, артикуляция и мобилизация идентичностей были и остаются существенными аспектами политического процесса, которые необходимо изучать, поскольку политика идентичности позволяет проанализировать механизмы символической борьбы за смыслы и значения.

Ссылки:

1. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма М., 2010. 428 с.
2. Политическая идентичность и политика идентичности / отв. ред. И.С. Семенов. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М., 2012. 471 с.
3. Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы : материалы Всероссийской научно-практической интернет-конференции. Пермь, 2014. 128 с.
4. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М., 2013. 421 с.
5. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Ч. 1 // Полис. 2008. № 1. С. 67–90.
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 333 с.
7. Hobsbawm E. Inventing Traditions // The Invention of Tradition. Cambridge, 2002. 320 p.
8. Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Вестник МГИМО. 2010. № 3. С. 51–59.
9. Вилков А.А. Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теор. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 окт. 2010 г.). М., 2011. 299 с.
10. Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana, 1964. 201 p.

11. Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001. 220 с.
12. Здравомыслова Е. Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения. М., 2009. 224 с.
13. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 2. С. 5–16.
14. Castells M. *The power of identity*. Cambridge ; Mass., 1997. P. 8.
15. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90–105.
16. Шевцова И.К. Политика идентичности в политической повестке дня европейских регионов // Вестник ПГУ. Политология. 2012. № 1 (17).
17. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. 207 с.
18. Завершинский К.Ф. 2012. Символические структуры политической памяти // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. 334 с.
19. Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности ...
20. Поцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. 334 с.
21. Mosse G.L. *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*. New York, 1975. 252 p.
22. Ibid. P. 18.
23. National day's: constructing and mobilizing national identity / ed. by D. McCrone and G. McPherson. N.Y., 2009. 288 p.
24. Ефремова В.Н. Национальные праздники как «нестабильные символы» национальной идентичности // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. 334 с.
25. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 365 с.
26. Ефремова В.Н. Новые государственные праздники России и их осмысление в официальном политическом дискурсе // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». 2011. № 3 (15). С. 53–65.
27. Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: возможности теоретического описания // Символическая политика. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. М., 2014. 382 с.
28. Сарайкина Д.Ю. Политический праздник как механизм интерпретации политической реальности // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3(15). С. 145–149.
29. Щербинин А.И. Коммуникативная природа политического праздника // Политический маркетинг. 2007. № 6. С. 5–20.

References:

1. Brubaker, R & Cooper, F 2010, 'Outside "identity"', *Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism*, Moscow, 428 p.
2. Semenenko, IS (ed.) 2012, 'Political Identity and identity politics', vol. 2, *The identity and the socio-political changes in the XXI century*, Moscow, 471 p.
3. *Post-Soviet identity in the political dimension: Realities, Problems and Prospects: Materials of All-Russian scientific and practical Internet conference 2014*, Perm, 128 p.
4. Malinova, OY 2013, *Construction meanings: Study symbolic politics in modern Russia*, Moscow, 421 p.
5. 'The Russian identity in the sociological dimension. Analytical Report. Part 1' 2008, *Polis*, no. 1, p. 67-90.
6. Anderson, B 2001, *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Moscow, 333 p.
7. Hobsbawm, E 2002, 'Inventing Traditions', *The Invention of Tradition*, Cambridge, 320 p.
8. Timofeev, IN 2010, 'Russian political identity through the prism of interpretation of history', *Vestnik MGIMO*, no. 3, p. 51-59.
9. Vilkov, AA 2011, 'The ideological factor in the formation of Russian political identity', *Identity as a subject of political analysis: a collection of articles on the results of the All-Russian scientific-theoretical conference (MEMO, 21-22 October 2010)*, Moscow, 299 p.
10. Edelman, M 1964, *The symbolic uses of politics*, Urbana, 201 p.
11. Potseluev, SP 2001, 'The symbolic means of political identity. Analysis of post-Soviet transformation of cases', *Identification structures in modern Russia*, Moscow, 220 p.
12. Zdravomyslova, E 2009, 'Identity politics human rights organization "Soldiers' Mothers of St. Petersburg"', *Social movement in Russia in terms of growth, a stumbling block*, Moscow, 224 p.
13. Tsumarova, EJ 2012, 'Identity politics: politics or policy?', *Bulletin of Perm State University. Politics*, no. 2, p. 5-16.
14. Castells, M 1997, *The power of identity*, Cambridge, Mass, p. 8.
15. Malinova, OY 2010, 'Symbolic politics and construction macropolitical identity in post-Soviet Russia', *Polis*, no. 2, p. 90-105.
16. Shevtsova, IK 2012, 'Identity politics in the political agenda of European Regions', *Vestnik PGU. Politics*, no. 1 (17).
17. Malinova, OY 2015, *Contemporary history: symbolic politics of the ruling elite and the dilemma of Russian identity*, Moscow, 207 p.
18. Zavershinsky, KF 2012, '2012. The symbolic structure of the political memory', *Symbolic politics. Vol. 1: Construction of notions of the past as a power resource*, Moscow, 334 p.
19. Potseluev, SP 2001, 'The symbolic means of political identity. Analysis of post-Soviet transformation of cases', *Identification structures in modern Russia*, Moscow, 220 p.
20. Potseluev, SP 2012, "'Symbolic Politics": On the history of the concept', *Symbolic politics. Vol. 1: Construction of notions of the past as a power resource*, Moscow, 334 p.
21. Mosse, GL 1975, *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*, New York, 252 p.
22. Mosse, GL 1975, *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*, New York, p. 18.
23. McCrone, D & McPherson, G (ed.) 2009, *National day's: constructing and mobilizing national identity*, N.Y., 288 p.
24. Ефремова, VN 2012, 'National holidays as "unstable character" of national identity', *Symbolic politics. Vol. 1: Construction of notions of the past as a power resource*, Moscow, 334 p.

25. Assman, J 2004, *Cultural memory: Letter, the memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*, Moscow, 365 p.
26. Efremova, VN 2011, 'New Russian public holidays and their interpretation in the official political discourse', *Bulletin of Perm State University. A series of "Political Science"*, no. 3 (15), p. 53-65.
27. Efremova, VN 2014, 'Public holidays as instruments of symbolic politics: possibilities of theoretical description', *Symbolic politics. Vol. 2: The debate of the past as the design of the future*, Moscow, 382 p.
28. Saraykin, DY 2011, 'The political interpretation of the holiday as a mechanism of political reality', *Vestnik TSU. Philosophy. Sociology. Politics*, no. 3 (15), p. 145-149.
29. Scherbinin, AI 2007, 'The communicative nature of the political feast', *Political Marketing*, no. 6, p. 5-20.